

СИГНАЛЫ ИРОНИИ В СТРУКТУРЕ АВТОРСКОГО ИРОНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В БРИТАНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Е. С. Готовцева

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»

SIGNALS OF IRONY IN THE STRUCTURE OF AN AUTHOR'S IRONIC DISCOURSE IN BRITISH LITERARY TEXTS

E. S. Gotovtseva

Military Training and Scientific Center of the Air Forces "Air Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin"

Аннотация: статья посвящена рассмотрению понятия иронического дискурса, его структуры, закономерностей, месту и роли иронии, а также семиотических процессов в нем. Цель работы – рассмотреть структуру иронического дискурса, связь с когнитивными процессами участников коммуникации и уточнить, что оказывает влияние на восприятие адресатом сообщения. В результате исследования выяснено, что иронический дискурс соотносится с когнитивными процессами в сознании коммуникантов и внеязыковая информация вместе с совокупностью языковых средств оказывает влияние на восприятие адресатом сообщения. Его основная задача – восприятие, анализ зашифрованного автором иронического послания. Процесс коммуникации тесно связан с семиотикой, где знак понимается как двусторонняя сущность. Адресат обращается к внешнему контексту, который может содержать сигналы различной сложности (кавычки, введение нового референта, интертекстуальные связи). Оба контекста взаимодействуют друг с другом. В процессе интерпретации иронического высказывания адресат опирается и на вербальную составляющую, и на знание внешней ситуации. Минимальной семиотической единицей иронии является иронический код, который формируется у отправителя под влиянием ожидаемой реакции реципиента и экстралингвистических факторов. Неправильное декодирование иронического кода приводит к непониманию имплицитного смысла высказывания и коммуникативной неудаче. Вербальная составляющая содержит сигнал наличия иронии. Невербальные компоненты играют важную роль в правильном декодировании послания адресатом. Результаты данного исследования могут быть применены в различных дисциплинах и исследованиях по филологии, литературоведению и языкознанию. Были использованы методы дистрибутивного, компонентного, дифференциального, текстового анализа, индукции и дедукции.

Ключевые слова: семиотика, вербальные и невербальные знаки, авторский иронический дискурс, текст, вербально-эстетическая картина мира, внешний контекст, внутренний контекст.

Abstract: the article is devoted to studying the term ironic discourse, semiotic processes in it, its structure, regularities, and also the place and role of irony in it. The goal of the work is to study the structure of ironic discourse, the connection with the cognitive processes of communicators and to clarify what influences on the addressee's perception of the message. During the research the next conclusions were made. Ironic discourse is connected with cognitive processes in communicators' consciousness. Extralinguistic information together with the aggregate of language funds influence on a addressee's perception of a message. The addressee's main task is perception and analysis of the sender's encrypted ironic message. So, the process of communication is closely connected with semiotics, where a sign is understood as a two-side essence. The addressee pays attention to the outer context, which can contain signs of various complexity (quotes, introduction of a new referent, intertextual connections).

Both the contexts are interconnected. In the process of ironic utterance interpretation the addressee relies on the verbal component and on the knowledge of the situation. The smallest semiotic unit of an ironic utterance is an ironic code, which is formed by the sender under the influence of the addressee's expected reaction and extralinguistic factors. The incorrect decoding of the ironic code results in misunderstanding of the implicit meaning of the utterance and the communicative failure. So, semiotic processes and regularities play a great role in the process of communication and in the ironic discourse as well. Unverbal components play an important role in the correct decoding of the ironic message by the addressee. The verbal component contains signals of the irony. The results of the research can be used in different disciplines and researches on philology, literature study and linguistics. The methods used during the research are distributive, component, differential, textual analysis, methods of induction and deduction.

Key words: *semiotics, verbal and nonverbal signs, author's ironical discourse, text, verbal-esthetic worldview, outer context, inner context.*

Введение

Иронию используют и изучают уже несколько тысячелетий. Ее изучение все больше оформляется в отдельное научное направление, объединяющее идеи различных гуманитарных наук. В. М. Пивоев считает возможным говорить о философии и лингвистике иронии и пишет об изменчивости иронии под влиянием социокультурных условий. Он считает иронию полифункциональным явлением, входящим в сферу изучения не только лингвистики и философии, но и литературоведения, эстетики, семиотики и психологии [1, с. 106].

Цель данного исследования – рассмотреть структуру авторского иронического дискурса, проанализировать связь иронии с когнитивными процессами, которые позволяют интерпретировать иронические высказывания, и уточнить, что именно оказывает влияние на ироническое восприятие адресатом сообщения. Основные задачи исследования – рассмотреть структуру иронических высказываний, в том числе авторский иронический дискурс и семиотические аспекты и процессы в нем, уточнить роль внешнего и внутреннего контекста при восприятии иронического сообщения, а также проанализировать способы выражения иронии в речи. В качестве материала исследования нами были использованы классические художественные произведения английских и американских писателей. В работе использовались методы дистрибутивного, компонентного, дифференциального, лексико-семантического, текстового анализа, индукции и дедукции.

Понятие авторской иронии

Иронический дискурс представляет собой коммуникативное событие, в котором в процессе восприятия высказывания или текста адресат вовлекается в процесс, связанный с обнаружением сигналов иронии. На успешность правильной интерпретации иронического высказывания оказывает влияние внеязыковая информация, а также наличие в высказывании или тексте целенаправленно отобранной сово-

купности языковых средств, которые зачастую и являются сигналами иронии.

Авторский иронический дискурс всегда выражает авторскую субъективную модальность и носит в основном персональный характер. В современных исследованиях Е. А. Третьяковой [2, с. 15], К. М. Шилихиной [3, с. 300], С. И. Походни [4, с. 200], О. П. Ермаковой [5, с. 20], И. Б. Шатуновского [6, с. 300] высказывается мнение, что в самом процессе иронического общения заложена необходимость активного интеллектуального, смехового и игрового контакта его участников. Кроме того, эффективность коммуникации зависит от соотношения субъективного и общепринятого, имплицитного и эксплицитного компонентов в семантике высказывания.

Коммуникативная структура текста, его структурно-смысловая организация, направленная на передачу определенного смысла, определяет выбранную автором модель коммуникации, его взаимодействие с адресатом и определенные речевые стратегии.

В художественном тексте сама система и структура эстетического высказывания как коммуникативного акта предполагает активное участие получателя информации, т. е. адресата. Читатель становится своеобразным участником договора, принимающим на себя определенные обязательства. Главное среди них – декодирование многосторонне зашифрованного автором послания, обращенного к читателю и провоцирующего его на соучастие в игре, в понимании подлинного смысла произведения, в дополнении полученного послания собственными картинками и смыслами [7, с. 21].

Прежде всего адресат ищет сигналы наличия иронии во внутреннем контексте, вербальной составляющей. Затем адресат должен обратиться к контексту внешнему, который может содержать сигналы различной сложности. Внешний контекст – ситуация, в которой участвуют все три стороны: говорящий, адресат и объект иронии. Примером явного сигнала могут служить кавычки, например, «восхитительно» (они становятся заместителями невербальных сигналов, помогающими адресату понять настоящее отно-

шение автора к объекту иронии), изменения внутреннего контекста, введение нового референта в текст, интертекстуальные связи высказывания. Иногда это нужно для определения того, кто или что является объектом иронии, в других случаях – для определения того, какое именно отношение к объекту передает говорящий через иронию. По мнению С. Н. Орловой, разнообразие вербальных сигналов иронии обеспечивает понимание скрытого намерения говорящего. Выбор способа организации текстовой коммуникации характеризует не только жанровую природу текста, но и особенности сознания автора [8, с. 20].

Внешний контекст функционирует как набор ограничений, позволяющих интерпретировать высказывание как ироническое. Роль этих ограничений – предупредить адресата о наличии дополнительного значения.

Внутренний контекст отличается от внешнего и является основой для множества интерпретаций. Внутритекстового сигнала достаточно для понимания, что значение высказывания и значение говорящего не совпадают. Заметим, что разделение контекстов на внешний и внутренний является в значительной степени условным. В реальной коммуникации выделение адресатом вербальных сигналов иронической интенции и ситуативных ключей происходит одновременно. Кроме того, оба контекста динамически взаимодействуют друг с другом. Поэтому чаще всего в процессе интерпретации иронического высказывания адресат опирается и на вербальную составляющую, и на знание внешней ситуации. Разнообразие вербальных сигналов иронии гарантирует понимание скрытой интенции говорящего. В конечном счете, соответствующий представлениям автора читатель становится создателем собственного смысла, картины мира произведения и его образной системы. Иными словами, читатель перекодирует и в известной степени присваивает себе произведение в неопределенных границах.

В ироническом тексте, по мнению Н. Н. Чуич, единицы хорошо знакомого языка получают необычную интерпретацию, а хорошо знакомые ситуации подводятся под неожиданные категории. Правильное понимание иронии является сложной прагма-коммуникативной задачей, требующей различать значение высказывания и значение говорящего. Ее дополнительно осложняет тот факт, что адресант создает отношения между собой, адресатом высказывания и объектом иронии, которые могут преследовать разные цели: установление отношения доминирования, критику или похвалу объекта иронии, агрессию и т. д. Адресат должен не только понять ироническую интенцию говорящего, но и решить, какова цель иронии в данной ситуации. При этом сигналы и маркеры иронии могут содержать разноуровневые элементы

коммуникативного контекста – лингвистические, психологические, культурные, которые переводят активный диалог автора и читателя в общение с культурным контекстом [9, с. 123].

Сигналы авторской иронии

С процессами коммуникации, в том числе и художественной, тесно связана семиотика, в рамках которой структура высказывания мыслится как совокупность вербальных знаков и отношения между ними. Таким образом, иронический образ рождает ощущение смысловой многомерности пространства в значении знака, наталкиваясь на парадоксы, которые заставляют резко менять ход мысли. Это не позволяет адресату сосредоточиться в рамках какой-либо из известных трактовок изображаемого, т. е. порождает многообразие смыслов и их объединений.

Наименьшей семиотической единицей иронии, по Ю. М. Лотману, является иронический код, который формируется у отправителя иронического высказывания под влиянием ожидаемой реакции адресата и экстралингвистических факторов. Неправильное декодирование иронического кода приводит к непониманию имплицитного смысла высказывания и коммуникативной неудаче.

Согласно Ю. М. Лотману, художественное пространство текста представляет собой авторскую модель мира и существует в связи с свойственным данной культуре семиотическим пространством [10, с. 165]. В этом случае отправитель – это автор, получатель – читатель, а знаки – эстетические языковые знаки. Таким образом, пространство текста – это семиотическое пространство, образованное знаками. Оно входит в обширное семиотическое пространство данной культуры – семиосферу, представляющую собой совокупность различных знаковых систем. Художественный текст представляет собой модель семиосферы, являющейся семиотической моделью мира, закрепленной в данной культуре.

Рассмотрим несколько примеров. В нижеприведенном фрагменте романа Ч. Диккенса *“Oliver Twist, Or, The Parish Boy's Progress”* иронический эффект достигается с помощью высказывания, содержащего оценку автором условий, в которых родился Оливер Твист: будто он действительно считает, что малыш непременно умер бы, если бы при его рождении присутствовали заботливые бабушки, мудрые доктора, опытные медсестры, а не пьяная нищенка и приходской хирург. Малыш появился на свет в работном доме вопреки всем препятствиям и возвестил о своем рождении душераздирающим криком. Сигнал иронии – эвфемизм вместо прямой номинации drunk: *“Now, if, during this brief period, Oliver had been surrounded by careful grandmothers, anxious aunts, experienced nurses, and doctors of profound wisdom, he*

would most inevitably and indubitably have been killed in no time. There being nobody by, however, but a pauper old woman, who **was rendered rather misty by an unwanted allowance of beer**; and a parish surgeon who did such matters by contract Oliver and Nature fought out the point between them" [11, p. 18].

В псевдонимном диалоге между собакой и кошкой в повести "Three men in a boat" контраст между опасностью, которая грозила кошке, и ее безмятежным поведением, изумившим пса Монморанси, отражается в интонации и характере их речевого взаимодействия: кошка ведет себя как вежливая леди на чайной церемонии, сохраняя, однако, инициативу в разговоре, а пес стремится все время ретироваться. Дополнительной остроты и парадоксальности этому диалогу придает его «беззвучность» и использование гиперболы «20 миль в час» при описании скорости передвижения животных: "twenty miles an hour". Также ирония прослеживается в комментариях повествователя, использовании антонимов и противопоставления **but**:

"Montmorency went for that poor cat at the rate of **twenty miles an hour**; but the cat did not hurry up – did not seem to have grasped the idea that its life was in danger. It trotted quietly on until its would-be assassin was within a yard of it, and then it turned round and sat down in the middle of the road, and looked at Montmorency with a gentle, inquiring expression, that said: 'Yes! You want me?' Montmorency **does not lack pluck**; but **there was something about the look of that cat that might have chilled the heart of the boldest dog**. He stopped abruptly, and looked back at Tom. Neither spoke; but the conversation that one could imagine was clearly as follows:

The cat: Can I do anything for you?

Montmorency: No – no, thanks.

The cat: Don't mind speaking, if you really want anything, you know.

Montmorency (backing down the High Street): Oh, no – not at all – certainly – don't you trouble. I – I'm afraid I've made a mistake. I thought I knew you. Sorry I disturbed you.

The cat: Not at all – quite a pleasure. Sure you don't want anything, now?

Montmorency (still backing): Not at all, thanks – not at all – very kind of you. Good morning.

The cat: Good morning!" [12, p. 149].

Своеобразное представление лорда Генри о красоте в романе О. Уайлда "The Picture of Dorian Grey" решительно противоречит общепринятому. Он считает, что настоящая красота заканчивается там, где начинается умное выражение лица, в то время как социальные нормы и представления говорят противоположное: "But beauty, real beauty, ends where an intellectual expression begins. Intellect is in itself a mode

of exaggeration, and destroys the harmony of any face" [13, p. 304].

В романе У. Теккерея "Vanity Fair" повествователь с очевидным ощущением аксиологического, в частности морального, превосходства рассказывает о том, как резко меняется отношение к пожилой леди, родственнице персонажей, при выяснении, что у нее есть счет в банке, как нежно начинают смотреть на нее и снисходительно реагировать на допускаемые ею оплошности корыстные родственники. При этом при описании того, как родственники теперь смотрят на нее, автор использует метафору «нежно» и говорит, что в изменившейся ситуации родственники считают пожилую леди «милым, добродушным старым созданием», ведь согласно сложившимся нормам в обществе счет в банке сразу делает человека уважаемым и значимым для других:

What a dignity it gives an old lady, that balance at the banker's! How tenderly we look at her faults if she is a relative (and may every reader have a score of such), what a kind, good – natured old creature we find her! [14, p. 114].

Г. Л. Прокофьев говорит об асимметричности иронического речевого акта, который характеризуется несоответствием интенционального психологического состояния говорящего прямому значению высказывания, посредством которого данный акт реализуется. В терминах косвенного речевого акта это понимается так: иллокутивная функция или намерение говорящего расходится с базисной иллокуцией, т. е. с пропозициональным содержанием высказывания [15, с. 16].

Например, использование приема иронического пояснения. Вводным оборотом **at least** и замечанием о собственной версии происхождения богатства у собеседника автор подчеркивает свое ироническое отношение к правдивости истории:

That, **at least**, was the story that had been put about. My own view was that he had got the stuff, by striking like glue to the fines. Five quid here, five quid there – you can see how it would mount up over a period of years [11, p. 486].

В очень веселой и, казалось бы, нетребовательной к читателю книге Джерома К. Джерома "Three men in a Boat" можно обнаружить свой «смех сквозь слезы», который проявляется, например, в антитезе между преувеличенно бережным отношением героя к зубной щетке, ставшей его демонической силой. Взволнованность героя передается метафорами «преследует» haunts, «делает жизнь жалкой» makes my life a misery, а также перечислением того, что ему каждый раз приходится переживать, при этом союз **and**, использующийся при перечислении, помогает передать эмоциональность героя, его отчаяние. Следует также обратить внимание на необычную лексическую со-

четаемость слова *haunts*. Согласно корпусным данным о лексической сочетаемости этого глагола, как правило, он употребляется обычно с абстрактными понятиями или именами конкретных объектов, размер которых превышает рост человека. Употребление данного глагола в сочетании с такой маленькой вещью, как зубная щетка, является триггером иронии: “*My toothbrush is a thing that haunts me when I’m travelling, and makes my life a misery. I dream that I haven’t packed it, and wake up in a cold perspiration, and get out of bed and hunt for it. And, in the morning, I pack it before I have used it, and have to unpack again to get it, and it is always the last thing I turn out of the bag; and then I repack and forget it, and have to rush upstairs for it at the last moment and carry it to the railway station, wrapped up in my pocket-handkerchief*” [12, p. 149].

В следующем отрывке из поэмы Байрона “*Beppo*” сложно понять, как именно относится автор к своей стране и ее политическим институтам, если, с одной стороны, его оценка содержит иронические интенции, а с другой – сказанное в основном тексте опровергается в скобках, т. е. ожидание расходится с реальностью.

I like the Habeas Corpus (when we've got it);

I like a parliamentary debate,

Particularly when 'tis not too late... [16, p. 446].

Бывает так, что сама ситуация заставляет понимать слово или словосочетание в смысле, прямо противоположном общеизвестному. Постановка их в новом контексте меняет смысл на иронический.

Необходимость создания текста обусловлена потребностью общения, поэтому, как и любой речевой акт, отрывок ориентирован на понимание. Для успешного осуществления коммуникации очень важна авторская прагматическая интенция. Каждое художественное высказывание неразрывно связано со своей и прошлыми эпохами, в том числе и эстетическими, с индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным, содержит в себе прогностический потенциал. И все это складывается в образование, которое можно назвать вербально-эстетической картиной мира, содержащей художественный код и особенности рецепции в процессе художественной коммуникации. То есть, по Лотману, вербально-эстетическая картина мира – это не фрагмент природы и жизни, случайно выхваченный из их великого контекста и перенесенный в искусственное пространство. Это законченная, относительно завершенная, потенциально существующая и закодированная смысловая целостность, в которой отразилось представление не только художника, но и его современников и/или собратьев по человечеству о мире и месте человека в нем [7, с. 21].

Заключение

Итак, внеязыковая информация вместе с совокупностью языковых средств оказывает влияние на восприятие адресатом сообщения. Его основная задача – восприятие, анализ автором иронического послания. Интерпретация иронии – сложная когнитивная задача. Адресату требуется различать значение высказывания и значение говорящего. Вербальная составляющая служит сигналом наличия иронии. Ключ к интерпретации лежит за пределами высказывания. Адресат обращается к внешнему контексту, который может содержать сигналы различной сложности (кавычки, введение нового референта, интертекстуальные связи). Оба контекста взаимодействуют друг с другом. В процессе интерпретации иронического высказывания адресат опирается и на вербальную составляющую, и на знание внешней ситуации. Минимальной семиотической единицей иронии является иронический код, который формируется у отправителя под влиянием ожидаемой реакции реципиента и экстралингвистических факторов. Неправильное декодирование иронического кода приводит к непониманию имплицитного смысла высказывания и коммуникативной неудаче. Вербальная составляющая содержит сигнал наличия иронии. Невербальные компоненты, например, кавычки, играют важную роль в правильном декодировании послания адресатом. Все сказанное выше свидетельствует о сложности процессов, которые участвуют в понимании иллокуции адресанта, перлокуции адресата и самого иронического высказывания. Результаты семиотических исследований демонстрируют параллелизм семантики языка и других знаковых систем. Можно говорить об иронии как о явлении, обусловленном асимметричностью языкового знака. Мы можем утверждать, что семиотические процессы наряду с вербальными и невербальными компонентами играют огромную роль в коммуникации и в создании художественного текста. Декодирование иронического эффекта позволяет выявить асимметрию или антиномию имплицитных и эксплицитных семиотических средств в коммуникации автора и читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. 106 с.
2. Третьякова Е. Ю. Ирония в структуре художественного текста // RELGA. 2001. № 19 [73]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguWww.woa/wa/Main?textid=443&level1=main&level2=articles>
3. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. д-ра филол. наук. Воронеж, 2014. 399 с.
4. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев : Наукова думка, 1989. 218 с.

5. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка : учеб. пособие. М. : Флинта, 2011. 190 с. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3849575
6. Шатуновский И. Б. Ирония и ее виды // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М. : Индрик, 2007. С. 340–372.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. С. 21–22.
8. Орлова С. Н. Характеристики когнитивно-дискурсивного подхода при исследовании заголовков англоязычной экономической прессы // Научный вестник Воронеж. гос. архит.-строит. ун-та. Сер.: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2010. № 2 (14). С. 20–27.
9. Чуич Н. Н. Парадоксы интерпретации иронического текста // Понимание и интерпретация текста : сб. науч. трудов. Тверь : Изд-во Тверск. ун-та, 1994. С. 123–129.
10. Лотман Ю. М. Язык. Семиотика. Культура : сб. работ. М. : Гнозис, 1994. 165 с.
11. Dickens Ch. Oliver Twist, Or, The Parish Boy's Progress. London : Penguin Books Ltd., 2003. 486 p.
12. Jerome K. J. Three men in a boat. London : Penguin Books Ltd, 2005. 149 p.
13. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. London : Penguin Books Ltd., 2008. 304 p.
14. Thackeray W. M. Vanity Fair. London : Penguin Books Ltd., 2012. 928 p.
15. Прокофьев Г. Л. Ирония как прагматический компонент высказывания (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1988. 16 с.
16. Byron G. G. N. Selected Poems. London : Penguin Books, 1996. 444 p.
- <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguWww.woa/wa/Main?textid=443&level1=main&level2=articles>
3. Shilikhina K. M. Diskursivnaya praktika ironii: kognitivniy, semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty: Dissertatsiya doktora filologicheskikh nauk. Voronezh, 2014. 399 p.
4. Pokhodnya S. I. Yazykovyye vidy i sredstva realizatsii ironii. Kiev: Naukova dumka, 1989. 218 p.
5. Ermakova O. P. Ironiya i eyo rol' v zhizni yazyka: ucheb. posobiye. M.: Flinta, 2011. 190 p. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3849575
6. Shatunovskiy I. B. Ironiya i eyo vidy. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovyye mekhanizmy komizma*. Moskva : Indrik, 2007. Pp. 340–372.
7. Lotman Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta. M.: Iskusstvo, 1970. Pp. 21–22.
8. Orlova S. N. Kharakteristiki kognitivno-diskursivnogo podhoda pri issledovanii zagolovkov angloyazychnoy ekonomicheskoy pressy. In: *Nauchniy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennyye lingvisticheskiye i metodiko-didakticheskiye issledovaniya*. 2010. No. 2 (14). Pp. 20–27.
9. Chuich N. N. Paradoksy interpretatsii ironicheskogo teksta. In: *Ponimaniye I interpretatsiya teksta: sbornik nauchnykh trudov*. Tver': Tverskii universitet, 1994. Pp. 123–129.
10. Lotman Yu. M. Yazyk. Semiotika. Kultura. Sbornik rabot. M.: Gnosis, 1994. 165 p.
11. Dickens Ch. Oliver Twist, Or, The Parish Boy's Progress. London: Penguin Books Ltd., 2003. 486 p.
12. Jerome K. J. Three men in a boat. London: Penguin Books Ltd., 2005. 149 p.
13. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. London: Penguin Books Ltd., 2008. 304 p.
14. Thackeray W. M. Vanity Fair. London: Penguin Books Ltd., 2012. 928 p.
15. Prokofiev G. L. Ironya kak pragmaticheskiy komponent vyskazyvaniya (na materiale angliyskogo yazyka): avtoreferat dissertatsii kand. fil. nauk. Kiev, 1988. 16 p.
16. Byron G. G. N. Selected Poems. London: Penguin Books, 1996. 444 p.

REFERENCES

1. Pivoev V. M. Ironiya kak fenomen kultury. Petrozavodsk: PetrGu, 2000. 106 p.
2. Tretiakova T. Yu. Ironia v strukture chudozhestvennogo teksta. In: *RELGA*. 2001. No. 19 [73]. Available at:

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»

Готовцева Е. С., преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: elenagotovtzeva@mail.ru

Поступила в редакцию 18 января 2023 г.

Принята к публикации 27 марта 2023 г.

Для цитирования:

Готовцева Е. С. Сигналы иронии в структуре авторского иронического дискурса в британских художественных текстах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 60–65. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/60-65>

Military Training and Scientific Center of the Air Forces "Air Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin"

Gotovtseva E. S., English teacher of the Foreign Languages Department

E-mail: elenagotovtzeva@mail.ru

Received: 18 January 2023

Accepted: 27 March 2023

For citation:

Gotovtseva E. S. Signals of irony in the structure of an author's ironic discourse in British literary texts. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2023. No. 2. Pp. 60–65. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/60-65>